

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

УДК 316.42

ББК 60.524

© Кандрычын С.В.

СМЕРТНОСТЬ ОТ ВНЕШНИХ ПРИЧИН И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

КАНДРЫЧЫН СЕРГЕЙ ВАЦЛАВОВИЧ

Минская областная клиническая больница

Республика Беларусь, 223340, Минский район, Агрогородок Лесной, д. 40

E-mail: kandrycz@yandex.ru

Исследуются пространственные закономерности в характере распределения комплекса показателей смертности от внешних причин и ряда социо-демографических показателей по федеральным округам Российской Федерации. В качестве эмпирической базы использованы материалы социальной и медицинской статистики, представленные в официальных публикациях Росстата. Группу показателей смертности от внешних причин помимо общих показателей составляли показатели смертности в результате транспортных травм, случайных утоплений, самоубийств и убийств. Содержание социокультурного пространства отдельных административных регионов оценивалось по комплексу показателей (за 2012 год), демонстрирующих неблагополучие социокультурной и духовной сферы. В рассматриваемую группу входили социальные (преступность, число разводов, % рожденных вне брака) и медико-демографические показатели (заболеваемость туберкулезом, сифилисом, наркоманией, алкоголизмом, число аборт). Работа выполнена в русле регионального социально-экологического анализа (ecological study). На первом этапе исследования была использована процедура сравнения и ранжирования федеральных округов по уровню каждого из показателей смертности от внешних причин и вычисления показателя корреляции между ранговыми позициями регионов. Ключевым моментом работы являлось исследование комплексной полярности между Центральным и Дальневосточным федеральными округами. По всем рассматриваемым показателям смертности от внешних причин ситуация в Дальневосточном регионе более неблагоприятная: наибольшие различия регистрировались по уровню смертности от убийств – 64,9%, наименьшие по показателю смертности от транспортных травм – 11,3%. Дифференциация показателей смертности от внешних причин по оси «Запад-Восток» предполагает значимость факторов социокультурной среды, сформировавшейся в процессе исторического становления и развития различных регионов России. Второй этап исследования включал корреляционный анализ ранговых позиций распределения показателей по 81 региону – субъекту

федерации и группировку региональных данных методом факторного анализа. На этом этапе к группе рассматриваемых региональных показателей добавлены показатели экономического развития. Выявлен сочетанный характер межрегиональной дифференциации показателей неблагоприятия социокультурной сферы, в отличие от показателей экономического развития. Подтверждается мнение о том, что факторы социокультурного и духовного содержания обладают интегральной значимостью в формировании смертности от насильственных причин, при этом влияние этой группы факторов следует считать приоритетным условием улучшения социодемографической ситуации в российских регионах.

Смертность от внешних причин, социокультурное пространство, регионы России.

Популяционные показатели смертности от внешних причин имеют интегральное содержание в силу множественности этиологических компонентов, ответственных за их формирование. При этом в научной практике комплексность в генезе формирования того или иного показателя чаще только постулируется, но по ряду причин не может стать полноценным объектом исследования. В то же время можно выделить ключевые группы факторов, объединяющие целый ряд этиологических механизмов в качестве отдельных составляющих. К числу таких интегральных факторов следует отнести социокультурный, т. е. фактор объединяющий группу причин, связанных с культурными характеристиками среды обитания, наиболее распространенными формами культурной и духовной деятельности человека.

Применение интегральных подходов в оценке пространственно-временного распределения целого комплекса показателей позволяет высказываться о схожести или различии причинных механизмов дифференциации региональных показателей общественного здоровья. Очевидно, что исторически обусловленные особенности социокультурной среды могут рассматриваться в качестве причины, ответственной за комплексную дифференциацию региональных показателей заболеваемости и смертности. При этом сам механизм социокультурной детерминации показателей здоровья подразумевает интегральное содержание и комплексное воздействие.

Ранее проведенный анализ пространственного распределения группы показателей смертности от внешних причин на территории Европейской части России позволил предположить эпидемиологическую значимость антропологического и этно-исторического факторов [9]. К такому же выводу подводит сопряженный характер в пространственном распределении показателей насильственной смертности на территории России и Беларуси. Основным направлением пространственной дифференциации этого комплекса показателей на сопредельных территориях двух стран является градиент «Север-Юг». Существование градиента в распределении группы показателей здоровья связывалось с историческими особенностями формирования антропологической структуры населения северных и южных регионов.

В то же время в предыдущих исследованиях был сделан вывод о том, что на территории одних и тех же стран можно наблюдать действие сразу нескольких причинных механизмов, определяющих географический паттерн распределения показателей смертности от внешних причин. Применительно к рассматриваемой территории восточной части Европы следует говорить о суммарном эффекте пространственного взаимодействия двух основных механизмов детерминации: социокультурного и антропо-биологического (этно-исторического). Очевидно, что оба указанные механизма имеют устойчивое

основание, сформированное в ходе исторического развития территорий.

Это означает, что для выявления эффекта каждого из рассматриваемых причинных механизмов в практике популяционных исследований необходимо использовать свой методологический инструментарий и свою теоретическую базу. С учетом исторической обусловленности в их действии выбор регионов для сравнения должен отражать влияние определенных исторических сил. Иными словами, характер географического распределения показателей должен оцениваться в соответствии с направлением определенного вектора исторического влияния.

Именно ориентация на историческую детерминацию, результат действия которой принимает определенные пространственные формы, является отличительным моментом данной работы. Вышеуказанные две группы факторов следует рассматривать в русле широко известных представлений о двухуровневой структуре человека и общества: природной (биотической) и социокультурной [5; 16]. Представляется обоснованным мнение о том, что в каждом из случаев действует механизм исторической детерминации, который реализуется посредством влияния на поведенческую и ментальную сферу.

Возможны различные варианты пространственной направленности механизмов исторической детерминации. Так, на территории Беларуси происходит своеобразное переkreщивание их действия: более ранний в историческом отношении компонент детерминации направлен по оси «Север-Юг», а более поздний – социокультурный (цивилизационный) – по оси «Запад-Восток». На территории Украины направленность этих компонентов преимущественно совпадает, и оба они размещаются по географической оси «Запад-Восток», что обуславливает заметный характер дифференциации социокультур-

ного пространства Украины в указанном географическом направлении [10; 21].

В отношении регионов Российской Федерации выбор территорий для сравнения, соответственно, и материала исследования представляется более сложным в силу размеров территории, национальной и этнической разнородности и особенностей исторического развития. В рамках настоящей работы предлагается рассмотреть распределение группы показателей смертности от внешних причин в сочетании с набором социальных и медико-демографических показателей по регионам России, взятых в масштабе административных границ федеральных округов. Все из рассматриваемых показателей (заболеваемость туберкулезом, сифилисом, алкоголизмом, наркоманией, насильственная смертность, число аборт, уровень разводов, % рожденных вне брака и уровень преступности) свидетельствует о социальном неблагополучии и духовных болезнях общества. В суммарном выражении они могут служить интегральной характеристикой социокультурного неблагополучия. Соответственно, сопоставление федеральных округов по этому комплексу показателей может свидетельствовать об особенностях их социокультурного пространства, своеобразии развития человеческого потенциала и духовного климата. Исходным являлось положение о том, что указанные характеристики социокультурного пространства отличаются в Центральном и Дальневосточном регионах, и направление изменений этих показателей будет отвечать направлению исторической колонизации территории в восточном направлении [8].

Предложенные методологический формат, инструментарий и цели исследования заставляют обратиться к теоретическому багажу исторической школы «Анналов» [19; 25]. Показатель смертности от внеш-

них причин может быть включен в набор категорий, служащих инструментарием для исследования истории и общества, а характер его пространственного распределения может демонстрировать связь с содержанием ментальной среды отдельных регионов. Этот показатель (в наборе с другими) предлагается использовать для описания действия в географическом пространстве России устойчивых, долговременных социальных и ментальных структур, механизмов *longue durée*, которые согласно концепции Броделя функционируют в исторических рамках различных этноисторических и культурных ареалов [19; 25]. Причем формирование региональных отличий в показателях насильственной смертности предлагается связывать с действием исторической травмы, состоявшейся в ходе исторической колонизации территорий и обуславливающей дифференциацию социокультурного пространства современной России.

Сравнительный анализ распределения набора социальных и медико-биологических показателей, проводимый на региональном (популяционном) уровне, является уникальным методом исследования. Именно этот метод позволяет оценить интегральное влияние комплекса причин, которые действуют в границах популяций сравниваемых регионов. Оценка этого влияния предполагает использование максимально допустимого уровня интеграции данных, ведь при переходе к более мелким единицам анализа этот суммарный эффект может становиться незаметным (в связи с гетерогенным характером популяции отдельных регионов, различиями в сборе данных на местах и т. д.). В методологическом ключе это означает, что действие интегральных причин, которое можно наблюдать на уровне крупных популяционных единиц, уже можно не увидеть на уровне более мелких. Такое интегральное влияние

подразумевает одновременное («диффузное») воздействие целой группы взаимосвязанных факторов на разные звенья процесса формирования показателей, а предлагаемый метод позволяет оценить этот суммарный эффект. Соответственно, следует различать методы исследования пространственного распределения эпидемиологических характеристик по масштабу и характеру сравниваемых территорий. Предлагаемый метод сравнения региональных показателей реализуется в классическом русле социально-экологических исследований (*ecological studies*) [напр., 20; 24].

В рамках предложенного сравнительного исследования была использована процедура сравнения и ранжирования восьми федеральных округов РФ по уровню каждого из исследуемых показателей (перечислены выше). Проведен анализ ранговой корреляции по всем группам показателей по отношению к распределению показателя насильственной смертности.

В методологическом плане подобный подход базируется на предположении о том, что распространение широко известных социальных болезней, таких как туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркомания и ряд других, в значимой степени обусловлено влиянием социокультурной составляющей, и ее действие проявляется на фоне эффекта других этиологических механизмов. Есть основания полагать, что обсуждаемые показатели насильственной смертности совместно с другими показателями социально-демографического неблагополучия формируются под действием социокультурных факторов, т. е. демонстрируют суммарный эпидемиологический эффект культурной среды на уровне отдельной личности и всей популяции.

Дополнительным элементом исследования было проведение рангового корре-

ляционного анализа с целью определения зависимости в характере распределения в масштабе всей федерации (по 81 субъекту РФ, за исключением столичных городов в силу их отличительного социокультурного и экономического статуса). Оценивалась зависимость в распределении показателя смертности от внешних причин и заболеваемости туберкулезом, сифилисом, алкоголизмом, наркоманией, числа аборт, а также уровня регистрируемой безработицы (по данным Федеральной службы по труду и занятости) и показателя отношения денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров (последние два показателя выбраны в качестве демонстрации зависимости от уровня экономического благополучия регионов). Проведена группировка региональных данных методом факторного анализа.

Окончательные выводы о роли социокультурного этиологического компонента в развитии регионов могут быть сформулированы только при оценке влияния других (конкурирующих) причинных механизмов. В то же время отличительные характеристики социокультурного пространства можно оценивать как причину и как результат происходящих в регионе социальных преобразований. Предполагаемые ограничения не исключают правомочности постановки вопроса о действии исторической и социокультурной детерминанты в формировании паттерна смертности от внешних причин на территории России.

В работе использованы официальные статистические данные по регионам РФ за 2012 год и другие данные, опубликованные в статистических сборниках Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [4; 6; 7]. Для проведения сравнений в перспективе исторического развития регионов были использованы данные советского периода [17].

В *таблице 1* представлены региональные показатели по основным группам смертности от насильственных причин в сочетании с набором медико-демографических показателей, которые являются проявлением неблагополучия в культурной и духовной сферах. Представлено ранжирование федеральных округов по уровню каждого из показателей.

Выявлен зависимый характер распределения всех рассматриваемых показателей в восьми округах. Так, характер ранговой корреляции распределения показателя смертности от внешних причин продемонстрировал статистически значимую зависимость с ранговой позицией каждого из рассматриваемых показателей, как для группы показателей смертности от внешних причин, так и для других показателей социокультурной среды регионов. В статистическом отношении наиболее значимой была зависимость с показателем преступности и показателем убийств, для обоих случаев коэффициент корреляционной зависимости составлял $r(s) = 0,97$; $p < .0001$, а наименьшей по значимости была зависимость с межрегиональным распределением показателей наркомании и разводов $r(s) = 0,81$; $p < .05$.

Обращает на себя внимание сопряженный характер распределения различных показателей насильственной смертности, что заставляет думать о схожести этиологических механизмов, интегральном характере их формирования. С учетом зависимости с распределением показателей, свидетельствующих о неблагополучии социокультурной среды в регионах, оправдано мнение, что показатели насильственной смертности следует рассматривать в наборе с другими показателями этой группы.

Показатели социокультурного пространства демонстрируют устойчивую дифференциацию по оси «Запад-Восток». Примечательно, что полярные позиции

Таблица 1. Медико-демографические и социальные показатели (и ранговая позиция региона в порядке их возрастания) по федеральным округам Российской Федерации за 2012 год

Федеральные округа	Смертность от внешних причин	Смертность от самоубийств	Смертность от убийств	Смертность от транспортных травм	Заболеемость алкоголизмом	Заболеемость наркоманией	Рождаемость на 1.000 чел. населения	% родившихся вне брака	Преступность	Аборты на 1000 женщин детородного возраста	Заболеемость туберкулезом	Заболеемость сифилисом
Северо-Кавказский	63,9 (I)	6,0 (I)	6,4 (II)	17,6 (I)	34,1 (I)	9,5 (I)	2,5 (I)	16,5 (I)	774 (I)	25 (I)	44,6 (I)	13,5 (I)
Центральный	111,8 (III)	13 (II)	7,6 (III)	21,3 (IV)	79,8 (IV)	12,9 (V)	4,3 (III)	21,8 (II)	1420 (III)	50 (II)	47,8 (II)	21,8 (IV)
Южный	107,5 (II)	14,1 (III)	6,2 (I)	19,5 (II)	61,7 (II)	9,9 (II)	4,4 (IV)	23 (III)	1339 (II)	48 (III)	70,3 (V)	23,0 (VI)
Северо-Западный	131,6 (IV)	18,9 (IV)	9,6 (IV)	19,9 (III)	74,7 (III)	12,3 (IV)	5,0 (V)	26,2 (VI)	1502 (IV)	64 (IV)	52,0 (III)	37,5 (V)
Приволжский	154,5 (V)	26,2 (V)	10,8 (V)	21,6 (VI)	101,2 (VII)	10,3 (III)	4,3 (II)	23,4 (IV)	1567 (V)	59 (V)	62,7 (IV)	32,6 (III)
Уральский	156,9 (VI)	26,8 (VI)	12,7 (VI)	23,2 (VII)	99,3 (VI)	24,4 (VIII)	5,4 (VII)	26,0 (V)	1874 (VII)	69 (VII)	86,6 (VI)	12,7 (II)
Сибирский	181,3 (VII)	34,3 (VIII)	18,5 (VII)	21,4 (V)	97,3 (V)	19,5 (VII)	5,0 (VI)	31,6 (VII)	2116 (VIII)	66 (VI)	109,5 (VII)	63,3 (VII)
Дальневосточный	184,4 (VIII)	30,8 (VII)	21,7 (VIII)	24 (VIII)	142,7 (VIII)	18,2 (VI)	5,5 (VIII)	33,9 (VIII)	2046 (VI)	78 (VIII)	122,4 (VIII)	64,1 (VIII)
Разница показателей Центрального и Дальневосточного округов (в %)	39,4	32,5	64,9	11,3	23,9	36,6	22,4	35,7	30,5	46,2	60,9	47,7

Примечание: округа размещены в порядке возрастания средней ранговой позиции по уровню показателей социального неблагополучия; все показатели рассчитаны на 100.000 чел. населения, за исключением отмеченных отдельно.

устойчиво занимают Северо-Кавказский и Дальневосточный округа. Сибирский федеральный округ чаще занимает предпоследнюю ранговую позицию, а Уральский по уровню своих показателей чаще находится посередине между восточными и западными территориями России (за исключением нескольких показателей).

Выявленная полярность между Северо-Кавказским и Дальневосточным округами имеет существенное теоретическое значение, поскольку оба округа относятся к так называемым депрессивным регионам, имеющим низкий потенциал к модернизации [21]. Более того, многие из показателей экономического развития (уровень доходов, уровень безработицы) в Северо-Кавказском округе самые неблагоприятные в стране, что вызывающе контрастирует с представленными результатами ранжирования.

Оба округа представляют фронтальные территории России, однако их историческое и этно-демографическое содержание качественно отличается. Сравнение между этими регионами в большей степени становится вариантом сравнительного анализа социокультурного пространства разных этнических групп, объединенных границами одной государственной и политической системы. В рамках данного исследования наибольший интерес имеет характер дифференциации показателей между полярными регионами, где в составе населения доминируют русские, поэтому отдельно сопоставлялись показатели Центрального и Дальневосточного округов (см. табл. 1).

Эпидемиологическая оценка отличий в распространенности смертности от внешних причин на отдаленных от центра страны территориях требует обраще-

ния к историческим и социокультурным характеристикам, сформировавшимся в ходе освоения этих территорий, своеобразию духовного климата и культурной среды. Сибирь и Дальний Восток следует рассматривать в качестве ареала фронта, который характеризуется рядом социальных и демографических деформаций, имеющих устойчивый характер и оказывающих комплексное негативное воздействие на состояние всей социальной сферы [1; 12; 13]. В связи с этим обоснованно предположение о том, что показатели социального неблагополучия и уровень социально обусловленной патологии в историческом ареале фронта будут выше, чем на территориях метрополии. В социально-психологическом ключе указанное явление было представлено как результат «незакрытости» русского фронта [8].

Данное суждение подтверждает и представленный региональный анализ. При этом следует отметить, что состояние социального и экономического стресса следует расценивать в качестве одной из причин высоких показателей смертности от насильственных причин в современной России [25; 26]. К тому же стоит добавить, что патологическое функционирование социокультурной среды, в результате которого запускаются разноплановые стрессогенные механизмы, предполагает отсутствие эффективных компенсаторных механизмов.

Следует ожидать, что представленные межрегиональные различия носят исторически устойчивый характер, т. е. причины, их обуславливающие, действуют длительно в перспективе исторического развития регионов, хотя степень этой дифференциации меняется в зависимости от хода конкретных исторических преобразований в стране. Так, между Центральным и Дальневосточным округами за весь период, доступный статистическому наблюдению, регистрировалось различие в показате-

лях смертности от внешних причин, хотя степень этого различия менялась: если в 2012 году оно составляло 39,4 %, то в 1980 – 27,2%, в 1985 – 13,2%, в 1990 – 16,4%, в 1997 – 17,8%, в 2000 – 16,9%, в 2005 – 31,3%, в 2010 – 38,2%. Региональные данные рассчитывались с учетом современного административного деления.

В *таблицах 2 и 3* представлены по-возрастные показатели смертности от самоубийств и убийств в Центральном и Дальневосточном федеральных округах¹. Для анализа был выбран возрастной диапазон с максимальными показателями смертности от этих причин.

Представленные выше данные свидетельствуют о комплексном характере межрегиональной дифференциации показателей насильственной смертности и об устойчивости ее исторической манифестации. Помимо этого наблюдаемые различия не являются эффектом диспропорции в демографической структуре отдельных популяций, а являются отражением их «глубинных» или системных характеристик.

Примечательно, что на настоящее время наблюдается тенденция к увеличению межрегиональных различий в рассматриваемых показателях смертности по сравнению с советским периодом. Следует учитывать, что увеличение разницы в показателях наблюдается на фоне снижения общего уровня смертности от внешних причин, который регистрируется в целом по стране. Соответственно, в Дальневосточном округе снижение уровня смертности происходит более медленными темпами, чем в Центральном.

Ключевым для понимания проблемы является представление о значимости социально-экономических факторов регио-

¹ Данные Российской базы данных Центра демографических исследований Российской экономической школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

Таблица 2. Повозрастные показатели смертности от самоубийств мужчин (на 100.000 мужчин соответствующей возрастной группы) в Центральном и Дальневосточном федеральных округах (1969–2015 гг.)

Год	Округ	Возрастная группа (лет)					Среднее (%)
		35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	
1969–1970	ЦФО	79,3	85,2	80,1	83,9	68,1	
	ДФО	110,9	98,7	102,1	121,3	110,0	
	различие (в %)	28,4	13,7	21,5	30,8	38,1	26,5
1978–1979	ЦФО	81,7	83,4	89,5	85,3	75,5	
	ДФО	101,7	97,4	124,3	119,3	92,8	
	различие (в %)	19,7	14,4	28,0	28,5	18,6	21,8
2013	ЦФО	28,6	28,0	28,0	28,2	27,1	
	ДФО	77,9	65,1	62,9	59,8	44,5	
	различие (в %)	63,3	57,0	55,5	52,8	39,1	53,5
2015	ЦФО	30,2	22,2	25,7	28,4	26,2	
	ДФО	52,3	68,6	61,4	52,2	44,2	
	различие (в %)	42,3	67,6	58,1	45,6	40,7	50,9

Таблица 3. Повозрастные показатели смертности от убийств мужчин (на 100.000 мужчин соответствующей возрастной группы) в Центральном и Дальневосточном федеральных округах (1969–2015 гг.)

Год	Округ	Возрастная группа (лет)					Среднее (%)
		25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	
1969–1970	ЦФО	10,1	10,5	10,3	92,0	10,4	
	ДФО	26,6	32,4	35,2	31,8	24,0	
	различие (в %)	62,0	67,6	70,7	71,1	56,7	65,6
1978–1979	ЦФО	23,0	21,5	22,7	20,7	20,9	
	ДФО	43,3	45,8	48,3	47,9	56,3	
	различие (в %)	46,9	53,1	53,0	56,8	62,9	54,5
2013	ЦФО	13,6	15,0	17,0	17,7	20,4	
	ДФО	48,3	54,3	55,0	64,4	59,5	
	различие (в %)	71,8	72,4	69,1	72,5	65,7	70,3
2015	ЦФО	95,0	14,7	14,8	16,3	16,3	
	ДФО	28,2	34,3	53,5	53,5	53,4	
	различие (в %)	66,3	57,1	72,3	69,5	69,5	67,0

нального развития и роли экономического благополучия населения в процессе освоения периферических территорий. Широко распространено мнение о том, что централизованные вложения в экономику, в инфраструктуру отдаленных и малоосвоенных регионов, в социальное и жилищное строительство автоматически обеспечат решение многих из проблем, в первую очередь, связанных с ростом населения и его оседлостью. Однако подобные представления о главенстве экономического фактора в процессе освоения земель и их дальнейшего развития имеют принципиальные ограничения, они на задний план отодвигают роль социокультурного компонента и состояние духовной среды в обществе.

Косвенным подтверждением такого мнения служат результаты анализа региональных социоэкономических показателей, которые указывают на то, что причины социокультурного и духовного неблагополучия населения регионов, как и уровень насильственной смертности, напрямую не связаны с экономическим благосостоянием. Наиболее показательным тут является представленное выше сравнение с Северо-Кавказским регионом. Исследователи, которые пробуют доказать обратную позицию, неизменно сталкиваются с ограничениями в поиске прямых зависимостей между этими процессами [напр., 2; 11].

К аналогичным выводам приводят и результаты следующего этапа исследова-

ния. Анализ ранговой корреляции в распределении представленной выше группы показателей по 81 региону – субъекту РФ (за исключением столичных городов) выявил существование значимой положительной корреляции в распределении ранговой позиции показателя смертности от внешних причин с уровнем заболеваемости туберкулезом $r(s) = 0,59$; $p < .0001$, с уровнем заболеваемости сифилисом $r(s) = 0,53$; $p < .0001$, с уровнем заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами $r(s) = 0,52$; $p < .0001$, с региональным показателем абортов $r(s) = 0,59$; $p < .0001$, с % рожденных вне брака $r(s) = 0,74$; $p < .0001$, с уровнем преступности $r(s) = 0,64$; $p < .0001$ и уровнем самоубийств $r(s) = 0,80$; $p < .0001$. При этом не регистрировалась какая-либо значимая зависимость с показателем впервые выявленной наркомании, с региональным уровнем безработицы и показателем экономического благосостояния населения (использован показатель отношения денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров).

К выводам об интегральном эффекте поля культуры также подводят результаты факторного анализа и содержательной интерпретации данных по всем российским регионам. С этой целью оценивались данные за 2012 год по 81 субъекту РФ, за исключением столичных городов в силу их особого экономического и социокультурного статуса. Помимо региональных показателей смертности от внешних причин для анализа использовались показатели заболеваемости туберкулезом, сифилисом, преступности, числа абортов, рождений вне брака, наркомании, а также уровень безработицы и показатель отношения денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров (последние два показателя выбраны в качестве демонстрации зависимости от уровня экономического благополучия

регионов). Применение метода главных компонент для этой группы переменных позволило выделить два базовых фактора (табл. 4).

Таблица 4. Матрица факторных нагрузок, полученная методом главных компонент (указана нагрузка > 0,40)

	Компонента	
	F1	F2
смертность от внешних причин	,92	
доходы*		,71
безработица**		-,64
заболеваемость туберкулезом	,79	
заболеваемость сифилисом	,76	-,43
заболеваемость наркоманией		,49
аборты	,64	,43
% родившихся вне брака	,86	
преступность	,82	
самоубийства	,79	

* Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров.
 ** Уровень безработицы, %, по данным Федеральной службы по труду и занятости.

С первым фактором (объясняет 47,6% общей дисперсии) с высокой нагрузкой ассоциируются показатель смертности от насильственных причин вместе с группой других медико-демографических показателей, характеризующих социокультурное благополучие регионов, а показатели безработицы и показатель, связанный с уровнем доходов, вошли во вторую группу (16,4%), тоже с высокой нагрузкой, но с противоположными знаками. Во вторую группу также вошли показатель заболеваемости наркоманией и показатель заболеваемости сифилисом с обратным знаком. Причем показатели заболеваемости сифилисом и числа абортов распределились между группами с большей величиной нагрузки для первой группы. Показатель заболеваемости алкоголизмом был исключен из анализа с целью упрощения методики интерпретации данных.

Таким образом, результаты данной части анализа в целом подтверждают существование зависимости в распределении показателей смертности от внешних при-

чин с другими проявлениями социальных болезней в региональных популяциях только уже в масштабе сравнения выполненного для всех субъектов федерации.

Одним из аргументов в обсуждении представленной региональной дифференциации может быть значение криминальных и тюремных практик в формировании культурной среды на отдаленных территориях. О роли криминальной культуры, неуклонно прогрессирующей по своей значимости на фоне недоразвития институтов гражданского общества, можно говорить применительно ко всей территории России, однако в связи с концентрацией исправительных учреждений в отдаленных регионах страны влияние различных форм криминальной культуры на этих территориях может быть особенно ощутимым. Существенным компонентом такой культурной среды является неуважительное отношение к человеку и его жизни, а такие психологические установки служат благоприятным фоном для различных проявлений деструктивного поведения. Именно в таком ключе могут рассматриваться представленные выше результаты корреляционной зависимости между показателями смертности от внешних причин и показателями преступности и убийств. При этом сам характер рассуждений о значимости криминального фактора в формировании специфики социокультурного пространства отдаленных российских территорий (также с учетом исторической перспективы этого влияния) принципиально не меняет отношения к интегральному содержанию социокультурной среды, которая манифестирует набором социодемографических показателей, включая показатели смертности от внешних причин.

Возвращаясь к исходному вопросу об оценке сопряженного характера дифференциации целой группы показателей социальных и медико-демографических

показателей, предложенных для интегральной характеристики социокультурного пространства отдельных регионов, следует подчеркнуть два принципиальных момента. Во-первых, список указанных показателей является открытым, т. е. он может расширяться за счет ряда других показателей, в генезе которых представляются значимыми причины аксиологического характера (в выборе методологического формата данного исследования автор сам прошел по этому пути, а представленный в работе список скорее ограничен как возможным объемом графического представления материала, так и отсутствием доступа к некоторым статистическим данным). Во-вторых, сам сопряженный характер пространственного распределения целого набора разноплановых показателей предполагает действие единых механизмов детерминации, функционирование которого трудно представить вне сферы культурной и духовной жизни, а устойчивый характер пространственного распределения предполагает историческую обусловленность явления.

Очевидно, что решение проблем, связанных с высокими показателями насильственной смертности на отдаленных территориях, буквально вязнет в клубке общенациональных проблем России, большинство из которых относится к сфере социальной культуры и духовности. Результаты данного исследования предполагают необходимость обращения к этой сфере как к ключевому фактору развития страны в целом и отдельных ее территорий в частности. Игнорировать эту сферу исследователю нельзя – она значимый эпидемиологический фактор, но непосредственно оперировать в ней можно только с помощью практик, которые не могут быть представлены в качестве научно обоснованного метода (в том числе с учетом невозможности

проведения оценок явлений культурной и духовной жизни с позиций рационального выбора в перспективе исторического развития). С помощью научного метода можно лишь оценить результаты подобной активности, указать направленность и возможные варианты развития, дать социально приемлемую интерпретацию.

Выводы

Исследование продемонстрировало сопряженный характер пространственной дифференциации группы показателей смертности от внешних причин с комплексом социальных и медико-биологических показателей, отражающих уровень социокультурного и духовного неблагополучия регионов России. Результаты анализа позволяют предполагать действие общего механизма детерминации и историческую обусловленность в характере формирования указанной дифференциации. Устойчивые и многоплановые межрегиональные различия могут объясняться ходом исторической колонизации (освоения) отдельных территорий и процессом формирования в историческом ареале особых социальных и этнических региональных сообществ. Своеобразие социокультурной среды может проявляться в различных формах социальной и ментальной активности, обуславливающих распространённость деструктивного поведения.

В ряде регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока определен-

ную значимость в формировании социокультурного пространства и духовного климата играют факторы национальной и этнической принадлежности, местные культурные традиции и религиозные верования. Очевидно, что указанные факторы социокультурного содержания определяют специфику региональных показателей смертности от внешних причин в национальных автономиях.

Различие показателей социокультурного пространства центра России и территорий Сибири и Дальнего Востока указывает на существование культурного и духовного неблагополучия на отдаленных от центра территориях. Это неблагополучие находит проявление в региональной специфике уровня показателя смертности от внешних причин.

Деятельность человека и общества находится под влиянием сразу нескольких детерминирующих механизмов, большинство из которых формировалось в ходе истории. Открытым остается вопрос, каким образом на популяционном уровне можно найти им эмпирическое подтверждение. Результаты проведенных сравнительных популяционных исследований, выполненных по регионам Российской Федерации и сопредельных стран, свидетельствуют о том, что интегральный биосоциальный и культурный характер в природе человека и общества находит отражение в отличительных вариантах пространственной дифференциации показателей смертности от внешних причин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаева, И. Л. Критерии фронта: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / И. Л. Басалаева // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. – 2012. – Режим доступа : <http://www.teoriapractica.ru>
2. Бойцов, С. А. Градиент смертности населения в возрасте 40–59 лет в субъектах Российской Федерации [Текст] / С. А. Бойцов, И. В. Самородская, В. В. Третьяков // Вестник РАМН. – 2014. – № 7–8. – С. 106–111.
3. Воробьева, Т. В. Восточный фронт России [Текст] / Т. В. Воробьева // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 1. – С. 5–14.

4. Демографический ежегодник России [Текст] / Росстат. – М.
5. Дюркгейм, Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия [Текст] / Э. Дюркгейм // Социологическое обозрение. – 2013. – № 2. – С. 133–144.
6. Естественное движение населения Российской Федерации за 2012 год [Текст] / Росстат. – М., 2013. – 56 с.
7. Здравоохранение в России 2013 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 384 с.
8. Кандрычин, С. Социокультурный градиент «Центр – Восток» – незакрытый фронт России [Текст] / С. Кандрычин // Проблемы развития территории. – 2016. – № 3. – С. 54–65.
9. Кандрычин, С. В. Пространственные закономерности дифференциации уровня смертности от внешних причин (Часть 2) [Текст] / С. В. Кандрычин, Ю. Е. Разводовский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4. – С. 97–112.
10. Кандрычин, С. Дифференциация социального пространства Украины и Беларуси как эффект «столкновения цивилизаций» [Текст] / С. Кандрычин // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 4. – С. 74–96.
11. Косолапов, А. Б. Влияние социально-экономических факторов на показатели смертности мужского населения на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс] / А. Б. Косолапов // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 12. – Режим доступа : <http://web.snauka.ru/issues/2012/12/19047>
12. Немировская, А. В. Актуальное состояние и условия модернизации в регионах Дальнего Востока [Текст] / А. В. Немировская // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – С. 74–82.
13. Немировская, А. В. Социокультурные особенности фронта России [Текст] / А. В. Немировская // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 80–88.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.
15. Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data
16. Парк, Р. Э. Экология человека [Текст] / Р. Э. Парк // Теория общества / Под ред. А. М. Филиппова. – М. : КАНОН-Пресс-Ц, 1999. – С. 384–400.
17. Численность, состав и движение населения в РСФСР [Текст]. – М. : Госкомстат РСФСР, 1990. – 312 с.
18. Яковенко, Н. В. Депрессивные регионы России: методология, теория, практика [Текст] / Н. В. Яковенко. – Иваново : ГУП ИО «Ивановский издательский дом», 2013. – 205 с.
19. Braudel, F. History and the social sciences: The Longue Durée [Text] / In F. Braudel (ed.) On History. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – P. 25–54.
20. Cavan, R. S. The Chicago school of sociology, 1918-1933 [Text] / R. S. Cavan // Urban life. – 1983. – Vol. 11. – P. 407–420.
21. Kandyryčyn, S. Geografia społeczna i kontury historii: Podziały historyczne Białorusi w świetle danych statystyki społecznej, medycznej i demograficznej [Text] / S. Kandyryčyn. – Warszawa : Semper, 2008. – 178 p.
22. Leon, D. A. Social stress and the mortality crisis [Text] / D. A. Leon, V. M. Shkolnikov // JAMA. – 1998. – Vol. 279. – P. 790–791.
23. Chen, L. C. The upsurge of mortality in Russia: causes and policy implications [Text] / L. C. Chen, F. Wittegenstein, E. Mc Keon // Population and Development Review. – 1996. – Vol. 22. – P. 517–530.
24. Morgenstern, H. Ecologic studies in epidemiology: concepts, principles, and methods [Text] / H. Morgenstern // Annu Rev Public Health. – 1995. – Vol. 16. – P. 61–81.
25. Vovelle, M. Ideologies and mentalities [Text] / M. Vovelle. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 263 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандрычын Сергей Вацлавович – кандидат социологических наук, врач-кардиолог, отделение кардиологии. Минская областная клиническая больница. Республика Беларусь, 223340, Минский район, Агродорок Лесной, д. 40. E-mail: kandrycz@yandex.ru. Тел.: 017-2652036.

Kandrychyn S.V.

MORTALITY FROM EXTERNAL CAUSES AND SOCIO-CULTURAL DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN REGIONS

The spatial general patterns of distribution of mortality rates from external causes and a number of socio-demographic indicators for the federal districts of the Russian Federation are explored. The materials of social and medical statistics, presented in the official publications of Rosstat, provided the empirical basis. The group of mortality rates from external causes, in addition to the general indicators, consisted of the mortality rates from road traffic injuries, accidental drowning, suicides and murders. The content of the socio-cultural space of individual administrative regions was assessed by a set of indicators (over 2012), showing the poor state of socio-cultural and spiritual spheres. This group included social (criminality, the number of divorces, the percentage of people born out of wedlock) and medical and demographic indicators (incidence of tuberculosis, syphilis, drug addiction, alcoholism and the abortion rates). The work was carried out in keeping with the regional social and ecological analysis (ecological study). At the first stage of the study, there was used a procedure of comparing and ranking federal districts according to the level of every death rate from external causes and estimation of the correlation index between the rank positions of the regions. The key point of the work was to study the complex polarity between the Central and Far Eastern federal districts. Taking into account all the considered indicators of mortality from external causes the situation in the Far Eastern region looks more unfavorable: the greatest differences were recorded in the death rate from homicides and accounted for 64.9%, the lowest differences in terms of the death rate from road traffic injuries - 11.3%. Differentiation of death rates from external causes along the «West-East» axis assumes the importance of factors of the socio-cultural environment that was formed in the process of historic formation and development of various regions of Russia. The second stage of the study included a correlation analysis of ranking positions of the distribution of indicators for 81 constituent territories of the federation and the clustering of regional data by applying factor analysis. At this stage the indicators of economic development were added to the group of regional indicators under consideration. The combined character of the interregional differentiation of indicators of the problems of the socio-cultural sphere is revealed, in contrast to the indicators of economic development. The opinion is confirmed that the factors of socio-cultural and spiritual content have integral significance in the formation of mortality from violent causes, while the influence of this group of factors should be considered a priority for improving the socio-demographic situation in the regions of Russia.

Mortality from external causes, socio-cultural space, regions of Russia.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kandrychyn Sergei Vatslavovich – Ph.D. in Sociology, Cardiologist, Department of Cardiology. Minsk Regional Clinical Hospital. 40, Agrotown Lesnoy, Minsk District, 223340, Republic of Belarus. E-mail: kandrycz@yandex.ru. Phone: 017-2652036.